

Рецепция ренессансной поэмы *Песня о зубре* Николая Гусовского в Беларуси и проблемы её перевода

Лариса Пуцилева (Болонский университет)

1. Гуманистические черты поэзии Великого княжества Литовского

Гуманистические черты классического итальянского Ренессанса на многонациональной почве Великого княжества Литовского (далее ВКЛ)¹ проявляются в XVI веке прежде всего в поэзии неолатинской, постепенно совершенствуются в польскоязычной и способствуют зарождению светской поэзии на старобелорусском языке. В течение всего XV в. в ВКЛ формировалась почва для того, чтобы принять идеи и события культуры, которые существовали в Италии. Интерес к этому уголку Европы усилился в Италии особенно после брака короля Сигизмунда Старого с герцогиней Боней Сфорца (1518), получившей также титул Великой княгини Литовской и земли, расположенные на территории ВКЛ (как например, Пинское княжество). Естественно, что при Краковском дворе, а позднее и в ВКЛ, стали всё более частыми пребывания архитекторов, скульпторов, художников, музыкантов из Италии². Выходцы из ВКЛ обучались во многих итальянских университетах. Архивы Болонской Альма Матер хранят документы XVI-XVII вв. с печатью, подтверждающей существование конфедерального землячества Правоведов *Natio Poloniae e Lithuaniae* (Lewanski 1991: 4), а среди 'Артистов' (*Università di scolari Artisti*) существовало *Natio Sarmatarum*, что подтверждает документ *Generalis Nationum distinctio Artistarum Gymnasii Bononiensi constituendum del 1577* (Pighi 1991: 73)³. В Болонье учились представители самых знаменитых литвинских⁴ родов,

¹ Полное название до 1569 г. – Великое княжество Литовское, Руское, Жомойтское и иных земель.

² В 1570 году в Вильне было уже так много итальянцев, что Франциск Суниер (Francisco Suñer), приехавший из Рима по делам иезуитского Колледжа, ставит итальянцев на третье место по количеству среди иностранцев (Rabikuskas 1994: 301).

³ Под старинным термином Сарматия – *Sarmazia*, вошедшим в моду в период Возрождения, в болонских документах имеется в виду землячество *Polonia-Litva e Rus'*, где под Русью подразумевались православные выходцы из ВКЛ.

⁴ Под используемым здесь и далее термином 'литвинский' подразумевается политоним, обозначающий 'относящийся к ВКЛ и всех граждан ВКЛ, проживавших на его территории в исследуемый в данной работе период, в то время как термин 'литовский', используется для обозначения собственно литовского этноса в историческом аспекте и граждан современной Литвы.

например, шесть представителей знаменитого рода князей Радзивиллов, а также пять членов не менее знаменитого рода Сапега⁵.

С появлением всё большего количества образованных людей, в ВКЛ находит почву для распространения новая гуманистическая литература, и в период Возрождения, по словам Я. Сласки, именно поэзия становится главным литературным манифестом нового движения (Ślaski 1980: 335). Моду на поэзию можно объяснить тем, что она является чувствительным сейсмографом изменений, произошедших как в способе видеть мир, так и в подручных литературных средствах. В XVI в., как во всей Европе, в ВКЛ распространение получила неолатинская поэзия, поскольку латинский язык располагал всем культурным наследием средних веков и новыми гуманистическими тенденциями. Новой поэзии польских и литвинских авторов⁶ была присуща, как и итальянским гуманистам, в первую очередь, светскость: авторы реагируют на события политической жизни, описывают эпизоды придворной жизни, охоту; распространяется морально-дидактическая поэзия для обучения человека мудрости в дантовском понимании; развиваются семейно-ритуальные жанры панегирического характера⁷.

Влияние итальянского гуманизма прослеживается наиболее ярко в больших эпических поэмах литвинских авторов, которые в отличие от итальянцев, возрождавших собственную античность, обращались (как и многие поэты Северной Европы) к сравнительно недавнему времени собственной истории, воссоздавая образы Витовта, Ягеллонов и других государей как эпических героев старины, а античные образы Греции и Древнего Рима (Аполлон, Марс, Юнона, Медея и др.) использовались в основном с риторической целью. В соответствии с концепцией итальянских гуманистов в образах литвинских князей, политических деятелей и полководцев просматриваются черты, восходящие к Данте и Петрарке и получившие развитие у Н. Макиавелли, Дж. Пико делла Мирандола, Б. Кастильоне. Это, как пишет Дж. Ансельми, мудрость, справедливость к подданным (*saggezza, giustizia*), добродетель (*magnanimità*), любовь к знаниям (*curiosità*) (Anselmi 2008: 11).

⁵ Поскольку исследований о болонско-белорусских связях этой эпохи немного, приведём их имена здесь (в транскрипции болонских архивных документов): Radziwiłł: Albrecht-Stanisław, Janusz-Jerzy, Krzysztof-Mikołaj, Jan, Mikołaj, Michał-Kazimierz; Sapieha: Aleksander-Kazimierz, Jan-Fryderyk, Tomasz-Kazimierz, Krzysztof, Jan-Stanisław. Нами обнаружены в *Imago Universitatis* Болонского университета изображения следующих гербов (*Natio Poloniae e Lithuaniae*): Matthaues Strzelezc Lituanus, Stephanus Pac, Basilius Hiacinius Jacewicz Vilnensis.

⁶ В этой связи, в первую очередь, необходимо упомянуть творчество знаменитого неолатинского поэта Яна Кохановского, хорошо известного в Италии (Piacentini 2012).

⁷ Один из лучших панегириков – фunerальная поэма Циприана Базилика (Cyprian Bazylik) на смерть А. Радзивилл *Krotkie wypisanie sprawy przy śmierci i pogrzebie Oświeconej Księżny Paniej Halzbiety z Szydłowca Radziwiłłowej, wojewodzinej wileńskiej* (1562).

Одним из ярких примеров ренессансной поэзии в литературе Беларуси являются поэмы *Bellum Prutenum* (1516) Я. Вислицкого (Joannes Vislicensis) и *Carmen de statura feritate ac venatione bisontis...* (далее *Песнь о зубре*, 1523) Николая Гусовского (Nicolaus Hussovianus)⁸. Вислицкий наделяет обоих братьев, Ягайло и Витовта, мудростью, благородством, так, Ягайло, проявляя уважение к мужеству врага, обращается к прусскому войску с предложением достойного мира. Гусовский ставит выше всего главную гуманистическую ценность “слаўнага князя Літвы” – добродетель:

Быў Літвін (Витовт – Л.П.) у той час надзвычай адментным уладцам,
Гэта й не толькі, што ён подзвігам ратным вялік.
Рэчы зямныя цаніў намнога ніжэй за нябесных,
Бога-тварца шанаваў сэрцам усім і душой.

(Гусоўскі 1994: 38)⁹

2. Рецепция Песни о зубре Николая Гусовского в Беларуси и переводы поэмы

Впервые интерес к творчеству Н. Гусовского зародился в Польше в конце XIX-начале XX века. В белорусское литературоведение это имя ввёл М. Прашкович только в 1964 г. Несомненно, что введение этого забытого католического поэта-латиниста наряду с другими ренессансными поэтами в белорусскую культуру способствовало росту национального самосознания русифицированных, советизированных белорусов. Важнейшее значение для переосмысления своей истории имело прославление морально-христианских ценностей, гимн ‘забытому’ ВКЛ, князю Витовту, который “яшчэ зусім нядаўна ў савецкіх ідэолагаў і чыноўнікаў ад культуры асацыяваўся выключна з беларускімі нацыяналістамі, [...] і эмігрантамі” (Кавалёў 2010: 82).

О жизни Н. Гусовского известно не много, существует немало версий как о его польском, так и о литвинском, а точнее белорусском, происхождении¹⁰. Известно, что до 1518 года он принял сан католического священни-

⁸ Мы разделяем положение, что поскольку этническая принадлежность многих латиноязычных и польскоязычных поэтов (Я. Вислицкий, Н. Гусовский, Г. Пельгримовский, Я. Радван и др.), произведения которых внесены в антологии и учебники ренессансной литературы Беларуси, точно не установлена, а произведения их были распространены и на других территориях ВКЛ и Речи Посполитой, то их творчество может принадлежать и другим народам, в первую очередь, Польше.

⁹ Цитата приводится в переводе В. Шатона как наиболее соответствующая оригиналу. Здесь и далее цитаты из белорусскоязычных источников приводятся по-белорусски.

¹⁰ Одна из последних версий, что место его рождения – это деревни Уза или Старая Гусевица (Некрашевiч-Кароткая 2009: 98).

ка и, находясь в составе посольства Плоцкого епископа Эразма Циолека к Папе Льву X, посетил Италию (ок. 1518 -1522 г). В Риме, где была начата *Песня о зубре*, поэт пережил эпидемию чумы. Поэма, возможно, заканчивалась в Кракове, где и была напечатана в 1523 г. Среди документов, воссоздающих жизнь знаменитого поэта, нами были найдены неизвестные в Беларуси сведения о возможном пребывании Н. Гусовского в Болонье. Авторитетный польский учёный Г. Барич, высказал гипотезу, ссылаясь на документы Болонского университета, что в академическом году 1519-1520 почётный предмет риторики, монополизированный до этого только итальянцами, был доверен некоему иностранцу, известному под именем Nikolaus Albinus Polonus Lithuanus, не идентифицированному до сих пор. Интересно, что национальная принадлежность этого человека кажется ему “двойной, экзотичной”: “В персонаже Н. Альбинуса (по-польски Albinus обозначается также *Bielak, Biel, Bialoń*), фигуре действительно экзотичной по двойной национальности и гражданству, может быть – перефразируя замечание С. Ожеховского (*gente Ruthenus, natione Polonus*) – “люди литовского племени, польской национальности”, допустимо признать [...] латино-польского поэта, известного до сих пор под именем Миколай из Гуссова, или Миколай Гусовчик” (Barycz 1980: 35 перевод с ит. – Л.П.)¹¹.

Внимательно изучая знаменитые *Rotuli dei lettori legisti e artisti dello Studio bolognese dal 1384 al 1799* Даллари, мы, однако, не смогли обнаружить этого имени ни на страницах за 1519-1520 академический год, ни в итоговом алфавитном указателе 4-го тома. Тем не менее этот факт ещё не опровергает полностью гипотезу польского исследователя, поскольку в *Rotuli* внесены имена постоянных лекторов, а профессора, приглашённые только на некоторые циклы лекций, могли фиксироваться в других документах. К сожалению, профессор Барич не называет документы, по которым он установил данный факт¹².

В настоящее время Гусовский является одной из ключевых фигур полилингвистической литературы Беларуси. Имеется три перевода *Песни о зубре* на белорусский язык. Когда речь идёт о переводе знаменитого произведения, как правило, существует несколько вариантов. При антропологическом подходе переводчик как языковая личность с его культурно-психо-лингвистическими характеристиками может рассматриваться как центральный участник акта культурной трансляции переводимого текста. Однако всегда актуальным остаётся вопрос, как далеко может отойти пере-

¹¹ “Nel personaggio di N. Albinus (in polacco, Albinus è indicato pure come Bielak, Biel, Bialoń), figura veramente esotica di nazionalità e cittadinanza doppie, forse – parafrasando la nota formula di S. Orzechowski (*gente Ruthenus, natione Polonus*) – “di stirpe lituana e di nazionalità polacca”, è lecito riconoscere il secondo importante poeta latino-polacco (dopo A. Krzycki) conosciuto finora sotto il nome di Mikolaj di Hussow, oppure Mikolaj Hussowczyk)” (Barycz 1980: 35)

¹² Трудно не доверять автору такого исторического документа, как *Archiwum nacji polskiej w Uniwersytecie Padoewskim* (Н. Barycz, Warszawa-Kraków, 1971-1972).

водчик в своей интерпретации от оригинала, чтобы не допустить 'доделки, переписывания, прихорашивания' оригинала. Говоря о множественности переводов, необходимо отметить, что среди переводчиков, критиков и самих поэтов нет единого мнения о стратегии перевода.

В Беларуси первым стал перевод на русский язык учёного-латиниста Я. Порецкого и поэта-переводчика Я. Семяжона (И.И. Семежонов), а через год, в 1969 г., был опубликован перевод на белорусский язык Я. Семяжона, который сразу стал каноническим. Позднее появились белорусские переводы учёного-латиниста В. Шатона (1991) и знаменитой поэтессы-эмигрантки Н. Арсеньевой¹³. В наше время многие белорусские исследователи, отмечая несомненные художественные достоинства близких друг к другу переводов на русский (Порецкий – Семяжон-Дорошкевич) и белорусский (Семяжон и Арсеньева) языки, признают их *перастварэннем, ўзнаўленнем*, т.е. переводосозданием оригинала.

Семяжоновский перевод *Песни о зубре* исследователи называли “гражданским подвигом” в деле популяризации имени и творчества Н. Гусовского. В белорусском культурном пространстве возникла и укреплялась легенда о писателе-патриоте. Несмотря на существенное несоответствие смысловых и культурных реалий перевода-адаптации Я. Семяжона оригиналу XVI в. по нему изучали *Песню о зубре*, при чём часто тематическое и смысловое содержание произведения анализировалось по ‘дописанным’ поэтическим адаптациям¹⁴.

Рассматривая творчество поэтов-неолатинистов в русле гуманистической культуры, В. Дорошкевич в 1979 г. одним из первых отметил сознательную тенденциозность некоторых концептуально важных фрагментов перевода Я. Семяжона с целью адаптации к социальной ситуации советского времени. Новый подход характерен для исследований Ж. Некрашевич-Короткой, рассматривающей *Песню о зубре* в компаративном плане, в сопоставлении латинского оригинала с переводами на белорусский, польский, украинский и литовский языки¹⁵. Белорусский исследователь-латинист отмечает переводосоздания ‘оригинала не только в смысловом отношении, но и в ритмической тональности. Ритмика, тональность, рифма, иногда даже сам факт написания стихов определённым размером можно считать проявлени-

¹³ Наталья Арсеньева, потомок М.Ю. Лермонтова, сделала свой перевод в 1978-1982 гг, однако он был напечатан в Беларуси только в 1997 г. в журнале “Крыніца”.

¹⁴ Назовём только самых известных популяризаторов *Песни о зубре*: У. Калеснік *Вяртанне зор* (1971), *Алегорыя зубра Мікалая Гусаўяніна* (1987), У. Конан *Мастацкая культура Беларусі эпохі Рэнесансу* (2000), А. Лойка *Старабеларуская літаратура* (2001).

¹⁵ Автор считает *Песню о зубре* одним из шедевров Ренессансной литературы, принадлежащим всем народам ВКЛ и Польши, поскольку “той уклад, які зрабілі вучоныя розных нацыянальных школ у справу вывучэння і папулярызацыі творчасці Мікалая Гусоўскага, дазваляе ідэнтыфікаваць яго паэмы і вершы як прыналежныя да гісторыі розных еўрапейскіх літаратур” (Некрашэвіч-Кароткая 2009: 104).

ем интертекстуальности. С целью (возможно, не осознанной) адаптации к 'привычным' установкам на патриотическую и социальную направленность советского литературоведения Я. Семяжон и Я. Порецкий трансформировали *Песню о зубре* в эпопею и "прыпадабнілі рытміку перакладу да памеру класічнага гераічнага эпасу: яны пераклалі "Песню пра зубра" "амаль гекзаметрам" – пяцістопным дактылем" (Некрашэвіч-Кароткая 2009: 178).

Белорусскоязычный перевод учёного-латиниста В. Шатона не сразу нашёл дорогу к читателю, поскольку его более научный и точный перевод в какой-то мере развенчивал 'легенду Гусовского', а исследователи и читатели с удивлением замечали отсутствие "многix знаковых фрагментаў твора і знікненне беларускага каларыту: шматлікіх прыказак, прымавак, фразеалагізмаў, якімі шчодра надзяліў паэму Я. Семяжон" (Кавалёў 2010: 92). Новый перевод вернул ренессансную поэму в её старинное образно-тематическое русло. Переводчик сохраняет метрический размер оригинала, элегический дистих, и количество стихотворных строк в строфе. Несмотря на эти несомненные достоинства, многие исследователи говорят о недостаточной выразительности языка перевода, о 'зжатости' белорусского языка в рамки элегичного двустипшия, когда переводчик *metri causa* использует нехарактерные для живого разговорного языка инверсии, синкопировальные словоформы и др. Однако это уже вопросы как социальной, так и индивидуальной рецепции. В Польше именно перевод В. Шатона вошёл в хрестоматию белорусской литературы¹⁶.

3. Концептуальные различия переводов

Наиболее спорными моментами вышеуказанных переводов являются вопросы национальной идентичности автора, его социальные и политические приоритеты, изображение князя Витовта.

3.1. 'Мы' и 'родина' – Польша и Литва

Важным моментом является автоидентификация автора: о какой стране он пишет, к кому относит себя. Как отмечают многие белорусские исследователи, в переводе Я. Семяжона довольно настойчиво расставлены 'подсказки' о том, что автор поэмы пишет "о нас" (т.е. белорусах), иногда местоимение *я* заменяется на *мы* или добавляется. Об этом говорят и названия статей-толкований переводчика¹⁷. В переводе Семяжона: "Мне за-

¹⁶ Тварановіч 2004.

¹⁷ Как например, *Першая песня пра нас* (1969), *Песня пра нас* (1980), где переводчик цитирует свои же 'додуманные' строки, которые были подхвачены многими исследователями.

гадалі адразу ж узяцца за працу, / Каб успаміны свае, пераліўшы ў памер вершаваны, / Песняй зрабіць і пра нас і пра нашы аблавы” (Гусоўскі 1980: 55) – в оригинале этих выражений нет, нет их и у Шатона: “З ходу ж далі мне загад, каб сказ мой пра волата-звера / Песняй зрабіў і яе каб неадкладна пісаў” (Гусоўскі 1994: 9). Интересно, что их нет и в русскоязычном переводе Порецкого и Семяжона: “Рассказ мой, друзей захвативший, / Было приказано без промедленья тотчас же / В форму отлить стихотворную, песню сложить об охоте” (Гусовский 1980: 3).

Некоторые доделки Семяжона также ассоциируются с образом поэта-патриота, тоскующего по родине:

...свае паляванні і ловы / Адпаляваў я...
Думкай ляціш быстракрылай / Ноччу і днём на радзіму, у памяці сеці
 Вабіш той час незабыўны, што некалі ў нетрах
 Родных лясоў разгубіўся...

(Гусоўскі 1980: 168).

В оригинале же поэт жалуется на потраченное на охоте время, которое можно было бы использовать для чтения книг.

Много разногласий вызывает и определение Гусовским своей национальной принадлежности. В строфе, где поэт говорит об описаниях Плиния и Павла Диакона и сетует на то, что “он писателям римским не равный”, он называет себя *Polonus*¹⁸. В переводе на русский язык Порецкого и Семяжона латинское *Polonus* заменяется на “подданный Польши”, что указывает более на политоним, чем на этноним. В переводе с участием Дорошкевича (*Беларуская Палічка*): “Край свой лесной я, писателям древним не равный / Речь посполиту шагами своими измерил...” – приводится только название государства¹⁹.

У Шатона: “Хоць я зусім не раўня пісьменнікам даўняга Рыма, / нетры паўночных лясоў ведаю быццам паляк” – союз *будто* вносит сомнение в национальности автора, которого вовсе нет в оригинале. В переводе Семяжона: “Край мой (*цяпер ужо ўласнасць Кароны*) калісьці / Я перамераў удоўжкі і ўпоперак пешшу” (Гусоўскі 1980:63) – те же самые строки имеют эмоционально-патриотический подтекст, кажется, что автор сожалеет о том, что его край (Литва) стал собственностью Польши, что неверно в историческом аспекте и что вызывало критику многих исследователей, как белорусских (Садовский, Ковалев, Некрашевич-Короткая), так и польских (Я. Чаплевич).

¹⁸ В оригинале: “Quicquid erit, longus venandi proferet usus / Et labor ac vitae tempora dura meae. / In nemus arctoum, quamvis scriptoribus impar / Romanis, certe hac arte, Polonus eo” (Гусоўскі 1980: 14)

¹⁹ Что может вызывать возражение, т.к. хотя с 1385г. существовала т.н. личная уния (Кревская) между ВКЛ и Польским королевством, однако о Речи Посполитой, федеральном государстве, уместно говорить только после Люблинской унии 1569 года.

В контексте поэмы, по нашему мнению, определение “поляк” скорее можно считать политонимом, а “литвин” – этнонимом, поскольку автор описывает исключительно Литву, вспоминая многочисленные эпизоды о жизни в Литве, прославляя литвинского князя; термины “литвин, литвинский (обычай, лес, охота и др.)” очень частотны в поэме. Об этом говорит и тот факт, что автор изучал историю по славянским (“роксанским”) книгам с греческими буквами, распространёнными в Литве²⁰.

Эта строфа “о славянских книгах” также стала одной из составных частей легенды Гусовского. В почти дословном переводе Шатона она звучит так:

Шмаг я чаго прачытаў аб мінуўшчыне ў кнігах *славянскіх*,
Мову прачытаных кніг *літары грэкаў* нясуць.
Знакі чужыя народ запазычыў для ўласнай карысці,
З імі затым стасаваў бацькавай мовы лады

(Гусоўскі 1994: 11).

В русском переводе появляется патриотический мотив самобытности: “остаться собою” и определение “русский”:

Древний наш мир изучал я по книгам *славянским*
Грамотам русским, написанным *греческой* буквой.
[...] отеческих *слов* звуки
К *буквам* чужим он подладил, *оставишь собою*

(Гусоўскі 1980: 13)

Всё это остаётся у Семяжона в белорусском переводе, к тому же “греческие буквы” заменены “кириллицей”:

Свет даўніны вывучаў я па кнігах *славянскіх*,
Граматах рускіх, *кірыліцай* пісаных вязкай.
[...] гукі мясцовых гаворак
Зладзіўшы з ім, іншаземцам, *застаўся сабою*

(Гусоўскі 1980: 59)

Позднее Н. Арсеньева отказывается от не существующих в оригинале терминов “русский”, “кириллица”, но оставляет “остаться собою”: “Ўзяў бо у *Грэкаў*, ды роднае гутаркі гукі / Ў літары ўліўшы чужыя, *сабою застаўся*” (Гусоўскі 1997: 5). Так закреплялись в сознании читателя концептуальные элементы легенды о Гусовском.

²⁰ В оригинале: “Multa ego Roxanis legi antiquissima libris, / Quorum sermonem graeca elementa notant, / Quae sibi gens quondam proprios adscivit in usus / Et patrios apte miscuit ipsa sonos” (Гусоўскі 1980: 13)

3.2. Образ Витовта

В *Песне о зубре* князь Витовт предстаёт как народный идеал героя, как культурный знак, объединяющий патриотизм разных народов ВКЛ в единое целое. В переводах образ Витовта претерпевает определённые изменения. У Шатона похвала Витовту начинается с воспоминаний об охоте, которая может показаться жестоким занятием: “Ловы такіа нясуць згубу для многіх людзей”, однако акцент ставится на храбрость основателей охоты и важности воспитания мужества у воинов: “Ды пахвалу ці віну апраўдае зачынца суровы / *Храбрага мужа імя славяць і ў нашыя дні*”. Далее идёт описание ратных подвигов Витовта: “Гэтай задумай адной *адважнага Вітаўта розум / Сілу радзіме вярнуў, княствам вялікім зрабіў*” (Гусоўскі 1994: 34). Переводчик сохраняет реалии оригинала, пишет о победах над “тремя историческими врагами”, наводившими страх “на весь мир”: над турком, татаринном, московским князем: “Трое вось гэтых, што жах на цэлы сусвет наганялі, / Моўкнулі ўраз перад ім, рот баючыся адкрыць” (Гусоўскі 1994: 35).

Однако в русском переводе явно звучит эмоциональное осуждение “княжеских забав” в духе социально-классовых установок (“не отмоеет невинной крови”): “...шалёная потеха / И не отмоеет жестокий её зачинатель / *Крови невинной* ни с лавров своих, ни со славы” (Гусовский 1980: 16), а в переводе Семяжона князь даже получает характеристику “безумного князя”: “[...] гэта забава / Проста шалёная прыхамаць князя-вар’ята / І не адмые нявіннай крыві венцаносец / З лаўраў сваіх паляўнічых і ратнае славы” (Гусоўскі 1980: 94).

Некоторые исследователи, как пишет Ковалёв, интерпретируя дописанные строки, выдвигали предположение, что поэт “осуждает”, но не Витовта, а своего современника польского короля Сигизмунда (Кавалёў 2010: 93). В то время как в поэме, в переводе Шатона, Сигизмунду тоже воздаётся хвала: “*Пець, Сігізмунде, табе славу на векі вякоў / Бацька айчынной зямлі, даруй, бо нялёгка праца / Добрыя дзеі твае хоць бы крыху апісаць*” (Гусоўскі 1994: 28).

Панегирик Витовту включает восхваление его важнейшей добродетели: справедливости. И здесь в переводах наблюдается расхождение²¹. И русский, и белорусский переводы (Семяжона) избилуют экспрессивно-оценочной лексикой, включают дописанные элементы, как например, особое чутьё Витовта: “Сам справядлівы ва ўсім, ён па гэтай жа мерцы / Кожнаму мераў і нейкім сваім адчуваннем / *Мог здагадацца адразу, дзе праўда, дзе крыўда*” (Гусоўскі 1980: 97), которые отсутствуют у Шатона: “Ён справядлівасць любіў, шанаваў яе нормы святыя, / Не дазваляў, каб махляў дзесьці абходзіў закон” (Гусоўскі 1994: 36).

²¹ В оригинале: “Iustitiae sanctas tam certo robore partes / Fovit, ut his nullus possit inesse dolus” (Гусоўскі 1980: 17).

Таким образом, в первых переводах, несомненно талантливых с художественной точки зрения, эмоционально-коннотативный фактор выдвигается на первый план, а рецепция всего произведения адаптируется к социально-политическим условиям, что нередко приводит к «надинтерпретации» произведения. В настоящее время несмотря на наличие новых переводов остаются канонизированными переводы 60-ых годов, что ставит вопрос о том, способны ли белорусы XXI в. принять Гусовского как христианского гуманиста, а не как борца «против социального и национального гнёта» в духе белорусского *Адраджэння* начала XX в.

Літэратура

- Гусовский 1980: Н. Гусовский, *Песнь о зубре*, пер. В. Дорошкевича, Я. Порецкого, Я. Семяжона (1980), в: *Беларуская Палічка* <http://knihi.com/Mikola_Husouski/Piesn_o_zubrie-ru.htm>.
- Гусоўскі 1980: М. Гусоўскі, *Песня пра зубра: На лацінскай, беларускай, рускай мовах*, пер. на беларус. мову Я. Семяжона, пер. на рус. мову Я. Парэцкага і Я. Семяжона, Мінск 1980.
- Гусоўскі 1994: М. Гусоўскі, *Песьня пра зубра*, пер. У. Шатона, Мінск 1994.
- Гусоўскі 1997: М. Гусоўскі, *Песьня пра зубра*, пер. Н. Арсеньневай, «Крыніца», 1997, 7, с. 3-32.
- Дорошкевич 1979: В.И. Дорошкевич, *Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: Первая половина XVI в.*, Минск 1979.
- Кавалёў 2010: С. Кавалёў, *Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу*, Минск 2010.
- Некрашэвіч-Кароткая 2009: Ж.В. Некрашэвіч-Кароткая, *Беларуская лацінамоўная паэзія: рання Рэнесанс*, Мінск 2009.
- Тварановіч 2004: Г. Тварановіч (под ред.), *Старабеларуская літаратура. XI-XVIII ст.*, Беласток 2004.
- Anselmi 2008: G.M. Anselmi, *L'età dell'Umanesimo e del Rinascimento. Le radici italiane dell'Europa moderna*, Roma 2008.
- Barycz 1980: H. Barycz, *Bologna nella civiltà polacca tra Medioevo e Rinascimento*, in: V. Branca, S. Graciotti (a cura di), *Italia, Venezia e Polonia tra Medio Evo e Età Moderna*, Firenze 1980, pp. 19-44.

- Dallari 1889: U. Dallari, *I Rotuli dei lettori legisti e artisti dello Studio Bolognese dal 1384 al 1799*, II, III, IV, Bologna 1889.
- Lewanski 1991: R.C. Lewanski (a cura di) *Alma Mater Studiorum. Natio Poloniae et Lithuaniae. Natio Sarmatarum. Natio Pruteniae et Livoniae*, Bologna 1991.
- Piacentini 2012: M. Piacentini, *Odi slavi volte sull'Arno. Una nuova versione di Jan Kochanowskij*, "Europa Orientalis" XXXI, 2012, pp. 299-309.
- Pighi 1991: G.B. Pighi, *Università di Bologna in Natio Polona. Le Università in Italia e in Polonia (sec. XIII-XX)*, Bologna 1991, pp.71-81.
- Rabikauskas 1994: P. Rabikauskas, *Italia-Lituania nei secoli XV-XVI: l'incontro con la Chiesa occidentale*, in: R.C. Lewanski (a cura di), *La via dell'ambra. Dal Vaticano all'Alma Mater*, Bologna 1994, pp. 297-313.
- Ślaski 1980: Ja. Ślaski, *Poeti neolatini del primo Umanesimo in Italia*, in: V. Branca, S. Graciotti (a cura di) *Venezia e Polonia tra Medio Evo e Età Moderna*, Firenze 1980, pp. 333-351.

Abstracts

Larisa Poutsileva

The Reception of the Renaissance Work The Poem of the Bison by Nikolaj Gusovskij in Belarus and Problems Related to Its Translation

In the modern multi-linguistic context of Belarus literature, neo-latin poetry represents an important component. Its roots can be traced to the Grand Duchy of Lithuania. Renaissance traditions spread throughout the territory thanks both to relations with the Kingdom of Poland (with which the Duchy had enjoyed close political and cultural ties since 14th century) and links to west European countries, especially Italy.

During the reign of Queen Bona Sforza, not only the queen of Poland but also the grand duchess of Lithuania, Renaissance ideas started to spread throughout the territory of present-day Belarus. At that time Bologna University was one of the most popular centres for the education of the Lithuanian-Belarus upper class. No fewer than six representatives of the Radziwill Princes as well as other Lithuanian aristocrats went to study there. In the *Scrolls of Jurists and Artists of the Bologna Study from 1384 to 1799*, published by Dallari, there is a reference to an unknown reader from Lithuania, called Nikolaus Albinus Polonus Lithuanus. It is likely this was the name used by the neo-latin poet Nikolaj Hussovski (in Belarus Микола Гусоўскі, in Latin Nicolaus Hussovianus). In his famous *Carmen de statura feritate ac venatione bisonti (The Poem of the Bison, 1523)*, written for Pope Leon X and dedicated to Queen Bona Sforza, the influence of Italian Renaissance poetry is evident. The work is imbued with humanism and worldliness; its strong characters point to the author's individuality. This poem is generally considered a masterpiece for its innovative leitmotif: the active participation in the political destiny of the author's homeland of Lithuania – Belarus. The author's attention to the world of nature and the expressive strength of the work's language are greatly admired too.

No doubt the inclusion of this forgotten Catholic Latinist poet in Belarus culture together with other poets of the Renaissance period, contributed to the growth of national consciousness among Russian-Sovietized Belarusians. However the first translations of *The Poem of the Bison* in Russian and Belarus showed clear signs of tampering with the original. A definite bias in some conceptually important parts aimed at adapting the work to the socio-political situation of the soviet times is clear.

The emotional and connotative aspects of the poem were heavily emphasised and this has often lead to an overall interpretation of the work based on the added fragments. Despite newer and more accurate translations, the translations the 1960s are still revered in Belarus. This leads us to wonder if 21st century Belarusians will ever see Hussovski as a Christian humanist rather than a patriot and fighter against oppression like the *Andradgenne* (Belarus Renaissance) at the start of the 20th century.

La ricezione del poema rinascimentale di Nikolaj Gusovskij Il Canto del bisonte in Bielorussia e la sua traduzione

Nell'ambito della moderna concezione plurilinguistica della letteratura della Bielorussia, la poesia neolatina rappresenta un'importante componente le cui radici si fanno risalire al Granducato Lituano. Le tradizioni rinascimentali si diffusero sul territorio del Granducato Lituano sia attraverso i contatti con il regno di Polonia, con cui fin dal XIV secolo si intrattenevano relazioni politiche e culturali assai strette, sia grazie ai legami con i paesi dell'Europa occidentale, in particolare con l'Italia.

Fu proprio nel periodo del governo di Bona Sforza, che portava il titolo non solo di Regina di Polonia, ma anche di Granduchessa Lituana, che le idee del Rinascimento trovarono diffusione sul territorio dell'attuale Bielorussia. Uno dei centri più importanti per la formazione delle élite lituane-bielorusse e polacche era l'Università di Bologna, in cui studiarono sei membri della dinastia dei Radziwill, oltre ad altri aristocratici lituani. Nei *Rotuli dei lettori giuristi e artisti dello Studio Bolognese 1384-1799*, editi da U. Dallari, si trova un appunto relativo a un ignoto lettore di provenienza lituana, tale Nikolaus Albinus Polonus Lithuanus, e ci sono buoni motivi per ritenere che sotto questo nome si intenda indicare il poeta – neolatinista Nikolaj Gusovskij (biel.: Микола Гусоўскі, lat.: Nicolaus Hussovianus). Nel suo famoso *Carmen de statura, feritate ac venatione bisontis (Canto del bisonte, 1523)* scritto su richiesta di Papa Leone X e dedicato alla regina Bona Sforza, sono evidenti i caratteri della poesia italiana del Rinascimento, il suo umanesimo, la sua mondanità, la potenza dei caratteri, l'individualità dell'autore. Inoltre, l'innovativo *leitmotiv* dell'attiva partecipazione ai destini politici del proprio paese, la Lituania – Belarus', l'attenzione nei confronti del mondo della natura, e la forza espressiva del discorso, collocano la sua opera nel novero dei capolavori.

Non c'è dubbio che l'inserimento di questo dimenticato poeta – latinista cattolico a fianco di altri poeti del Rinascimento nella cultura bielorussa contribuì alla crescita della coscienza nazionale dei bielorussi russificati e sovietizzati. Tuttavia le prime traduzioni del *Canto del bisonte* nelle lingue russa e bielorussa presentavano chiari segnali della ricostruzione poetica dell'originale, in cui si può osservare la consapevole tendenziosità presente in alcuni frammenti concettualmente importanti mirata all'adattamento del testo alla situazione sociopolitica dei tempi sovietici. Si metteva in evidenza soprattutto il fattore emotivo- connotativo, il che influenzò la ricezione dell'intera opera e non di rado condusse all'interpretazione del testo sulla base dei frammenti aggiunti. Oggi, nonostante la presenza di nuove traduzioni, restano canoniche quelle degli anni '60, il che porta a chiedersi se possano oggi i bielorussi del XXI secolo riuscire a concepire Gusovskij come un umanista cristiano e non invece come un combattente contro l'oppressione sociale e nazionale nello spirito del *Adradgenne* (Rinascimento bielorosso) dell'inizio del XX secolo.

Keywords

Translating; Hussowski; Neo-Latin Poetry; Renaissance; Belarus.